

Об авторе. 46 лет. Живет в Нью-Хэмпшире (США).

Камейное

Грустила камейка, страдая неврозом:
-Я – лишь артефакт, позабывший свой возраст.
В элитных кругах дорогих украшений
никто полустёртый агат не оценит!
Я – галька в тисках потускневшей оправы, -
не мне целоваться с капризною славой...

А леди, от светлой печали немея,
порою смотрела на эту камейку.
Ей чудились тени и проблески света...
С холстов галереи веков силуэты

сходили, отмеченные благородством
и зыбкой печатью фамильного сходства...

А камень – простой неотёсанный камень -
копил кропотливо нехитрую память,
был прочной, устойчивой и долговечной
опорой для суетных ног человеческих.
И только порою, от скуки шалея,
хотел хоть на миг стать античной камеей –
бесценной, застенчивой и знаменитой...
Но резчик не справился с глыбой гранита.

Текло и текло, нелюбимое всеми,
бесцветно-пассивно-аморфное время.
Мечтало попробовать твёрдую форму...
коротенький отпуск...ручей хлороформа...
Томилось своим монотонным всесильем...
Несло в никуда тех, кто некогда были...
И что-то дремотно порой бормотало
про то, как финалы впадают в начала...

Материя снашивается, старея, -
и свет изнутри проступает сильнее.
И даже всё то, что безмерно-огромно,
однажды сотрётся до малости скромной.
Когда под прозрачную калькую кожи
мой вечный огонь удержаться не сможет,
пылинка с душою великой горы
укажет мне тропку в иные миры.

Это просто осколок остывшего некогда солнца...

Это просто осколок остывшего некогда солнца,
на который налипло немного космической пыли...
Мы к нему беззащитно телами несильными жмёмся,
и не помним - зачем и за что нас сюда поселили.

Здесь давно появились шоссе, небоскрёбы, газоны,
космодромы, полярные станции... гелиостаты.
Но Земля до сих пор больше любит горбатых бизонов,
отвечая за тварь, приручённую ею когда-то.

Мы так долго боролись, мы крылья из воска лепили,
возводили притоны для тьмы и соборы для света.
И, питая надежду огнём бесконечных усилий,
рвали бешено пути чужой, нелюбимой планеты.

Но, устав от бесплодных исканий единственной двери,
постепенно мутируя, ближе к земле припадая,
бесконечное множество вер понапрасну примерив,
мы планету изгнания домом уже называем.

Лишь порой в полнолуние... Небо становится ближе...
В наши ноздри впивается звёздный мучительный запах...

Мы выходим из раковин, лунную радугу лижем,
бьём хвостами от боли - и горы становятся прахом.

Кто сказал...?

Вот - вмерзающий в кристалл
человек неосторожный,
безрассудный.
Кто сказал –
вмёрзнуть в небо невозможно?

Если ад - духовка,
рай – вероятно – морозилка?
Видишь – сыплются за край
медяки души-копилки,

пара блёсток серебра
да монета золотая....
Дуализм добра и зла
облегчённо отменяя,

человек впускает внутрь,
в полость нежного пространства,
криогеновую суть,
просветленье-пуританство.

Ледяных прозрений шквал...
Вирус света в чашке Петри...
Если бранный мир так ал –
то бело, как снег, бессмертье.

Начинается зима.
Мёрзлый воздух стекленеет...
Если горе – от ума,
от безумья – счастьем веет?..

Он вращается в небосвод
сонмом нервных окончаний,

Автор: Оргкомитет
18.04.2012 23:45

свой летательный исход
принимает без печали,

и прозрачный, как слюда,
нам во тьму блестит неярко...
Кто сказал, что пьедестал –
лишь пылающему Данко?

[Страница автора в Сети.](#)